



УДК 341.48/.49

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ АГРЕССИИ

Д. В. ЛОБАЧ¹⁾

¹⁾Дальневосточный юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
ул. Суханова, 8, 690091, г. Владивосток, Россия

Проводится исследование ключевых проблем, связанных с правовой регламентацией ответственности в современном международном праве. Анализируются семь ключевых проблем, которые в совокупности редуцируют правоохранительный потенциал норм, определяющих ответственность за совершение преступления агрессии. В частности, к таким проблемам относятся отсутствие унифицированной дефиниции понятия «государство» в составе преступления агрессии; множество подходов к определению государственного суверенитета как объекта преступного посягательства; сложности правомерного применения вооруженной силы в условиях реализации государством своего права на самооборону; проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях гуманитарной интервенции; отсутствие в практике международных отношений и в самом международном праве универсальных критериев, позволяющих определить достаточную степень нарушения международного мира для квалификации деяния в качестве преступления агрессии; расширенное понимание вооруженной силы в качестве акта агрессии; смежный характер некоторых форм агрессии с правомерными действиями, связанными с обеспечением национальной безопасности.

Ключевые слова: международное преступление; преступление агрессии; международная уголовная ответственность; самооборона; кибербезопасность; киберугрозы.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

PROBLEM ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR THE CRIME OF AGGRESSION

D. V. LOBACH^a

^aFar Eastern Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
8 Sukhanova Street, Vladivostok 690091, Russia

The article examines the key problems associated with the legal regulation of liability in modern international law. The author of the article analyses seven key problems, which in their totality reduce the law enforcement potential of the norms regulating responsibility for committing the crime of aggression. In particular, such problems include the lack of a unified definition of state as part of the crime of aggression; a plurality of approaches to the definition of state sovereignty as an object of criminal encroachment; the complexity of the lawful use of armed force in the context of the state's realisation of its right to self-defense; the problem of the lawful use of armed force in the context of humanitarian intervention; the absence in the practice of international relations and in international law itself of universal criteria to determine the sufficiency of a violation of international peace to qualify an act as a crime of aggression; the problem of an expanded understanding of armed force as an act of aggression; the contiguous nature of some forms of aggression with lawful actions related to ensuring national security.

Образец цитирования:

Лобач ДВ. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3:38–44.

For citation:

Lobach DV. Problem aspects of legal regulation of responsibility for the crime of aggression. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:38–44. Russian.

Автор:

Дмитрий Владимирович Лобач – кандидат юридических наук; доцент кафедры теории и истории государства и права.

Author:

Dmitry V. Lobach, PhD (law), associate professor at the department of theory and history of state and law.
dimaved85@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>





Keywords: international crime; crime of aggression; international criminal responsibility; self-defense; cyber security; cyber threats.

Acknowledgements. The research has been conducted with financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. 20-511-00009.

Введение

Всю историю человеческой цивилизации сопровождают различного рода войны и вооруженные конфликты, ставшие печальными спутниками развития межгосударственных отношений. И только окончание Второй мировой войны ознаменовало насущную потребность в политико-правовом запрещении и осуждении агрессивной войны как преступления, вызывающего в силу наивысшей общественной опасности обеспокоенность у всего международного сообщества.

Впервые политико-правовое осуждение агрессивной войны было закреплено в Договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г., ставшего известным как Пакт Бриана – Келлога. Документ был подписан в Париже представителями США, Бельгии, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Ирландии, Индии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии, Японии. В скором времени к нему присоединилось и советское правительство. В договоре ничего не говорилось об агрессивной войне в контексте современной нормативной интерпретации, но было закреплено положение о недопустимости обращения к войне как к орудию национальной политики для урегулирования международных споров.

В 1933 г. была заключена Конвенция об определении агрессии, в которой было предложена политико-правовая дефиниция понятия «агрессия» через фиксацию четырех ситуаций противоправного применения вооруженной силы одним государством против другого и одной ситуации (акт объявления войны), не связанной с применением вооруженной силы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных документах агрессия осуждается только как международно-правовое явление, но при этом не рассматривается как криминальное деяние, выступающее в качестве юридического факта, который порождает уголовно-правовые отношения в фокусе реализации международной уголовной ответственности.

Нормативно-правовая регламентация ответственности за агрессивную войну впервые имела место при проведении Нюрнбергского и Токийского процессов в отношении главных военных преступников Германии и Японии соответственно. При этом была криминализована не сама агрессивная война, а формы ее внешнего выражения – планирование, подготовка, развязывание и ведение (п. «а» ст. 6 Устава Международного военного трибунала для

суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, п. «а» ст. 5 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока). В указанных документах отсутствует нормативное определение агрессивной войны. Криминализация конкретных ее форм и привлечение физических лиц к ответственности основывается на всеобщем признании агрессивной войны, развязанной и проводимой странами «оси» (Германия, Италия, Япония), как исторического неопровержимого события.

Возникшие прецеденты, связанные с осуждением главных военных преступников стран «оси», стали предтечей для дальнейшего развития международного уголовного права в области обеспечения международного мира и безопасности человечества. Первое легальное определение преступления агрессии зафиксировано в ст. 1 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г. (далее – резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314), под которой понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, как это установлено в данном определении. В ст. 3 перечислены 7 основных актов агрессии, при этом в ст. 4 отмечается, что данный перечень не является исчерпывающим и Совет Безопасности в рамках своих дискреционных полномочий может признать в качестве агрессии и другие акты, которые противоречат положениям Устава ООН. В дальнейшем легальная дефиниция агрессии, представленная в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, с некоторыми дополнениями была отражена в ст. 8b Римского статута Международного уголовного суда [1, р. 481–484; 2; 3, р. 222; 4, р. 227].

Между тем, несмотря на признание агрессивной войны международным преступлением, подпадающим под универсальную юрисдикцию Международного уголовного суда, в теории и практике международного права все еще остаются актуальные проблемы, требующие осмысления и разрешения в обозримом будущем. Не претендуя на их широкое освещение и предметное разрешение, остановимся на ключевых аспектах правовой регламентации ответственности за агрессивную войну в контексте перспективного правоприменения.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном междисциплинарном политико-правовом



исследовании регламентации международной уголовной ответственности за преступление агрессии в фокусе критического осмысления проблемных аспектов.

Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- исследовать в рамках междисциплинарного подхода (с позиции международного права и теории государства) понятие «государства» как субъект агрессии;
- изучить различные подходы к рассмотрению государственного суверенитета как объекта противоправного применения вооруженной силы со стороны государства-агрессора;

- проанализировать последствия преступления агрессии в виде нарушения международного мира как криминообразующего признака этого преступления;

- исследовать формы проявления преступления агрессии, а также понятие «применение вооруженной силы».

Имеются основания полагать, что результаты данного исследования будут интересны и полезны специалистам в сфере уголовного права в контексте возможного правоприменения и перспективной имплементации международных норм в национальное законодательство.

Материалы и методы исследования

В работе исследуются нормы международного уголовного права, регламентирующие ответственность и политико-правовое осуждение агрессии как исторически сложившегося явления, посягающего на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость другого государства, которое закономерным образом нарушает международный мир как всеобщее (общечеловеческое) благо. Концептуально-правовые аспекты регламентации ответственности за преступление агрессии, а также отдельные позиции относительно конститутивных моментов, присущих этому явлению, находят свое отражение в трудах таких авторов, как М. С. Бассиони, Д. Бэлл, Г. Верле, С. В. Глотова, Ч. Грэй, Л. В. Иногамова-Хегай, А. Г. Кибальник, Р. А. Кантур, С. Саяпин, С. Г. Тимошков, И. З. Фархутдинов и др.

В работе используются общенаучные и специальные методы исследования. Среди общенаучных методов были задействованы структурный анализ (мысленное разделение явления (состав преступления агрессии) на отдельные элементы с последующим изучением их качественных свойств), синтез (формулирование после анализа общего понимания ответственности за преступление агрессии с учетом выявленных проблемных аспектов, требующих дальнейшего изучения и разрешения) и метод сравнения (преступление агрессии сравнивается с гуманитарной интервенцией и превентивной самообороной). Специальные методы (сравнительно-правовой и формально-юридический) используются для выявления правового содержания преступления агрессии как явления правовой действительности.

Результаты и их обсуждение

Исследование отечественной и зарубежной учебной и научной литературы, а также специальных норм международного уголовного права в срезе осмысления динамики международных отношений, исторического процесса и современных реалий, иллюстрирующих новые вызовы и угрозы для международного правопорядка, позволяет выявить семь ключевых проблем, связанных с регламентацией ответственности за преступление агрессии на международном уровне.

Проблема определения понятия «государство» в составе преступления агрессии. Из представленного выше определения следует, что обязательным условием агрессивной войны является наличие государства как субъекта международного деликта и государства, выступающего в качестве потерпевшей стороны. По этой причине отношения между государством-агрессором (сторона нападения) и государством-жертвой (обороняющаяся сторона) возникают в результате инициирования и проведения агрессивной войны. Таким образом, применение вооруженных сил против иных него-

сударственных публично-правовых образований, демографических общностей, идентифицируемых по какому-либо релевантному признаку, организаций или групп, позиционирующих себя в качестве национально-освободительных движений, не является агрессией в соответствии с положениями действующего международного права. Вместе с тем остается неразрешенным вопрос о понятии «государство», который является основным для уяснения правового смысла нормы об агрессии и адекватного ее применения в перспективе. Дело в том, что в юридической сфере наблюдаются межотраслевые противоречия в определении данного понятия. В частности, речь идет о столкновении различных позиций, сложившихся в теории государства и науке международного права. С общетеоретической стороны государство представляет собой универсальную суверенную политико-территориальную организацию публичной власти, обладающую аппаратом управления и принуждения, веления которого обязательны для всего населения на подвластной ему территории. С позиции науки международного



права определение государства дополняется сложной дилеммой о признании его со стороны международного сообщества в качестве субъекта международного права. Сложность данной ситуации объясняется прежде всего тем, что в теории международного права существуют две концепции (декларативная и конститутивная), которые по-разному объясняют правовую природу и последствия признания государства в качестве субъекта международного права [5, с. 236–240]. В частности, декларативная концепция не сводит факт существования государства к необходимости дипломатического признания со стороны других государств. Заявленная проблема особенно остро актуализируется в свете интенсивного процесса дробления больших государств на более мелкие и зарождения новых публично-территориальных образований, государственность которых признается не всеми странами.

Проблема определения государственного суверенитета как объекта преступного посяательства. Из легального определения преступления, закрепленного в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, видно, что агрессия представляет собой противоправное применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости другого государства. Если относительно понимания территориальной целостности и политической независимости другого государства особых сложностей не возникает, то нерешенным остается вопрос о суверенитете, поскольку в теории международного права существуют разные подходы к пониманию этого признака. В частности, в науке обосновываются различные подходы к пониманию суверенитета в контексте теории остаточного суверенитета, концепции ограниченного суверенитета, нормативной теории суверенитета, правовой теории суверенитета и др. [6–9]. Такое многообразие подходов в определенной мере осложняет квалификацию деяний, связанных с противоправным применением вооруженной силы одним государством против территориальной целостности другого, так как возникают неопределенность в объекте преступного посяательства и проблема адекватной оценки причиненного вреда.

Проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях реализации государством своего права на самооборону. Ст. 51 Устава ООН закрепляет право каждого государства – члена ООН на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. При этом применение вооруженной силы одним государством против другого, во-первых, должно быть реакцией на уже состоявшуюся агрессию и, во-вторых, должно быть адекватным и своевременным. Вместе с тем в теории международного права и практике международных отношений не утрачивает своей

актуальности вопрос о возможности превентивной самообороны, т. е. применения вооруженной силы одним государством в отношении другого государства в целях предупреждения возможной агрессии в условиях высокой вероятности [10; 11, р. 235]. Показательным в этом плане примером является нанесение Израилем в 1981 г. превентивного удара по атомному реактору Ирака. Хотя инцидент и не был квалифицирован Советом Безопасности ООН как акт агрессии, однако сама ситуация продемонстрировала условность границ между актом агрессии и самообороной от вероятной агрессии. Действительно, расширительное толкование нормы ст. 51 Устава ООН, придающее превентивной обороне легитимное основание, создает в определенной степени дуализм в оценке возможных последствий. С одной стороны, применение вооруженных сил в условиях превентивной самообороны может стать своеобразным прикрытием и оправданием агрессивных действий. С другой стороны, надо понимать, что современные виды вооружения позволяют нанести сокрушительный удар по военной инфраструктуре другого государства, что делает невозможным применение ответных мер в рамках реализации права на самооборону.

Проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях гуманитарной интервенции. Феномен гуманитарной интервенции, будучи широко известным в теории международного права и практике международных отношений, представляет собой применение вооруженной силы одним государством против другого на его территории без его согласия в целях предотвращения гуманитарной катастрофы и (или) политики геноцида, практики этнических чисток и последствий гражданской войны. В сущности, гуманитарная интервенция выражает достижение (или стремление к достижению) соответствующих целей одним государством посредством применения вооруженных сил на территории другого государства [12, р. 365–367]. С формально-юридической стороны, если исходить из легального определения агрессии, представленного в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, такие действия могут быть расценены как агрессия только при условии ограничения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости того государства, где наблюдается гуманитарная катастрофа, и установлении Советом Безопасности ООН факта нарушения международного мира. Тем не менее, даже если факт нарушения международного мира не констатирован, остается нерешенным вопрос об установлении приоритета между государственным суверенитетом и достижением гуманитарных целей. Императивное провозглашение незыблемости государственного суверенитета, а, как следствие, и территориальной целостности, и политической



независимости порождают безнравственное бездействие при гуманитарной катастрофе в тех случаях, когда такая катастрофа могла бы быть остановлена при своевременном и адекватном применении вооруженных сил одним государством в отношении другого. Напротив, провозглашение приоритета гуманитарных целей может открыть простор для злоупотреблений со стороны отдельных государств, исходящих из конъюнктурных идеологических и геополитических факторов. *De facto* гуманитарная интервенция может стать проформой для вмешательства во внутренние дела другого государства без санкции Совета Безопасности ООН. При этом нельзя исключать ситуацию, когда противоправное применение в гуманитарных целях одним государством своих вооруженных сил в отношении другого хотя и будет ограничивать государственный суверенитет и политическую независимость последнего, но не будет квалифицироваться как преступление агрессии ввиду отсутствия должного уровня международной опасности, определяемого степенью нарушения Устава ООН.

Проблема определения достаточности нарушения международного мира для квалификации деяния в качестве преступления агрессии. В данном случае все сводится к дискреционным полномочиям Совета Безопасности ООН по установлению факта угрозы миру, нарушения мира и акта агрессии, что закреплено в ст. 39 Устава ООН. Кроме того, в ст. 2 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 регламентировано, что Совет Безопасности ООН может прийти к выводу о недостаточно серьезном применении вооруженных сил. Как следствие, признание (юридическая констатация) акта агрессии не будет оправданным. С юридической точки зрения здесь идет речь о дифференциации степени общественной опасности противоправного применения вооруженных сил. Противоправные деяния, связанные с применением вооруженных сил одним государством против другого, только тогда будут признаны (квалифицированы) в качестве преступления агрессии, когда такое применение привело к существенному нарушению межгосударственных отношений мирного сосуществования, а не после того, как Совет Безопасности ООН констатировал факт агрессии. Вместе с тем в современном международном праве все еще не выработаны критерии, позволяющие определить степень серьезности нарушения международного мира. Именно эти критерии должны способствовать разрешению вопроса о разграничении, например, приграничного конфликта от полномасштабного вооруженного конфликта. Ситуация обостряется еще и тем, что признание факта агрессии может ставиться в зависимость от спекулятивных факторов, инспирируемых отдельными членами Совета Безопасности ООН, в то время как неудобные (не отвечающие интересам отдельных

государств) инициативы могут и вовсе блокироваться постоянными членами данного органа. Следует отметить, что в определенных ситуациях правовое признание акта агрессии Советом Безопасности ООН и вовсе может не состояться. Речь идет о ситуации, когда постоянный член Совета Безопасности ООН сам проявляет агрессию и поэтому становится субъектом обвинения. Однако привлечь такое государство к международной ответственности представляется непосильной задачей, так как оно может саботировать признание акта агрессии через реализацию своего права вето [13, с. 306; 14].

Проблема расширенного понимания вооруженной силы в качестве акта агрессии. В ч. 1 ст. 8b Римского статута Международного уголовного суда закреплена легальная дефиниция понятия «преступление агрессии». В частности, его объективная сторона выражается в планировании, подготовке, иницировании или осуществлении лицом, которое в состоянии фактически руководить или контролировать политические или военные действия государства, акта агрессии, в силу своего характера, серьезности и масштабов являющиеся грубым нарушением Устава ООН. В ч. 2 этой же статьи дается определение понятия «акт агрессии» и перечисляются семь форм применения вооруженной силы, которые должны квалифицироваться в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3314 в качестве акта агрессии. Вместе с тем в данной резолюции указываются только формы применения вооруженной силы одним государством против другого, но само понятие «вооруженная сила» не раскрывается. В сущности, применение вооруженной силы охватывает традиционные виды вооружения и методы ведения боевых действий. Вместе с тем современные процессы и тренды научно-технического прогресса обуславливают развитие, внедрение и широкое применение информационно-коммуникационных технологий в различных сферах социальных отношений, что порождает необходимость обеспечения защиты от различного рода киберугроз. Таким образом, остро встает вопрос о возможности совершения акта агрессии посредством использования кибероружия в целях дезорганизации работы объектов критически важной инфраструктуры, что может подорвать стабильность в обществе и привести к деструктивным процессам в политической сфере. О важности признания кибератак в качестве возможного акта агрессии свидетельствуют современные реалии, связанные с обострением международных отношений в связи с участившимися случаями кибератак и принятием на национальном уровне в отдельных государствах специальных доктрин кибербезопасности [15]. Кроме того, в самих военных доктринах и стратегиях все чаще уделяется внимание киберугрозам и кибербезопасности, которая становится неотъемлемой частью национальной



безопасности в целом. В условиях четвертой промышленной революции наблюдается активное применение информационных технологий в агрессивных целях. О том, что последние могут использоваться в качестве средств подавления объектов критически важной инфраструктуры, свидетельствуют новые виды военных подразделений (войск), главной задачей которых является проведение операций в киберпространстве, защита систем управления от кибератак и управление компьютерными сетями. Между тем, даже если признать кибератаки актом применения вооруженной силы, открытым остается вопрос о критериях оценки общественной опасности таких атак с позиции реальных или ожидаемых последствий, связанных с обострением международных отношений. Кроме того, актуализируется необходимость четко понимать и соблюдать суверенитет в информационном пространстве (информационный суверенитет), который становится неотъемлемым атрибутом национальной безопасности.

Проблема отграничения криминальных форм агрессии от правомерных действий, связанных с обеспечением национальной безопасности. Данная проблема связана с определенными сложностями в понимании процесса планирования и подготовки агрессивной войны по сравнению с проводимыми на регулярной основе плановыми мероприятиями, связанными с совершенствованием организации вооруженных сил и проведением военных учений. В целом в учебной и научной литературе сложилось мнение, что планирование агрессивной войны представляет собой целенаправленную интеллектуально-волевою деятельность по составлению стратегических планов военного, административно-организационного и материально-технического характера, тактических планов по ведению вооруженных операций, а также мобилизационных планов и предложений по подготовке будущей войны в отношении конкретного противника [16, с. 766]. Подготовка агрессивной войны – это совершение конкретных действий, связанных с реализацией определенных планов по ее развязыванию и ведению. Такая подготовка охватывает различного рода действия организационного, тактического, мобилизационного, оперативного, разведыватель-

ного и иного характера (в частности, передислокацию военных подразделений, наращивание производства военной техники и усиленное обеспечение армейских потребностей, создание новых военных подразделений, проведение разведывательных операций, активизацию военной пропаганды и др.).

В принципе, действия, составляющие подготовку к агрессивной войне, только тогда можно квалифицировать как форму проявления агрессии, когда они связаны с реализацией соответствующих планов по развязыванию и ведению агрессивной войны. Вместе с тем нельзя забывать, что многие государства в своих военных доктринах прописали не только оборонительные, но и наступательные (по сути, агрессивные) аспекты национальной военной политики, а качественное и количественное увеличение вооруженных сил зачастую не связано с необходимостью обеспечения интересов национальной безопасности и противодействия реальным военным угрозам. Кроме того, военная парадигма (официальная военная мысль, преобладающая в конкретном обществе), отраженная в военных доктринах и военном стратегическом планировании, часто и вовсе не исключает различные варианты планирования нанесения ударов по предполагаемому противнику в условиях гонки вооружения.

Таким образом, следует отметить, что, хотя ответственность за преступление агрессии и получила международно-правовое закрепление, тем не менее остается ряд проблем, требующих разрешения в обозримом будущем. Указанные проблемы демонстрируют сложность агрессии как политико-правового феномена и обуславливают потребность в их теоретико-методологическом осмыслении, что может способствовать совершенствованию правоохранительного потенциала международно-правового механизма по обеспечению международного мира и безопасности человечества, а также оптимизации возможной правоприменительной практики и повышению качества имплементации норм об агрессии в национальное законодательство. Представляется, что по мере развития новых видов вооружения, а также форм и методов ведения войны объективная сторона акта агрессии будет претерпевать изменения.

Библиографические ссылки

1. Werle G. *Principles of international criminal law*. 2nd edition. Hague: T. M. C. Asser Press; 2009. 660 p.
2. Саяпин С. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы. *Международное правосудие*. 2012;1(2):87–97.
3. Sayapin S. *The crime of aggression in international criminal law: Historical development, comparative analysis and present state*. Hague: T. M. C. Asser Press; 2014. 334 p. DOI: 10.1007/978-90-6704-927-6.
4. Bassiouni MC, Ferencz BB. Chapter 3. The crime against peace and aggression. In: Bassiouni MC, editor. *International criminal law, volume 1: Sources, subjects and contents*. 3rd edition. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2008. p. 207–242. DOI: 10.1163/ej.9789004165328.i-1086.16.
5. Ильяшевич МВ, Хахина АА. К вопросу о международно-правовом признании государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014;1:236–244.



6. Морозова АС, Карасев АТ. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета. *История государства и права*. 2014;20:45–50.
7. Красинский ВВ. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы. *Современное право*. 2015;7:5–10.
8. Бредихин АЛ. *Суверенитет как политико-правовой феномен*. Москва: Инфра-М; 2012. 128 с.
9. Осветимская ИИ. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017;2:150–167.
10. Фархутдинов ИЗ. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление. *Московский журнал международного права*. 2016;4:97–124. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-97-124.
11. Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press; 2008. 334 p. (Foundations of Public International Law). DOI: 10.1093/law/9780199239153.001.0001.
12. Krylov N. Humanitarian intervention: Pros and cons. *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal*. 1995;17(2):365–407.
13. Кибальник АГ. Преступление агрессии: обманутые ожидания Международного уголовного права. *Всероссийский криминологический журнал*. 2019;13(2):300–310. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.
14. Глотова СВ. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском Уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда. *Московский журнал международного права*. 2017;2:87–96. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-87-96.
15. Казарин ОВ, Тарасов АА. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств. *История и архивы*. 2013;14:58–74.
16. Иногамова-Хегай ЛВ, Рарог АИ, Чучаев АИ. *Уголовное право. Особенная часть*. 2-е издание. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; 2008. 800 с. Совместно с издательством «ИНФРА-М».

References

1. Werle G. *Principles of international criminal law*. 2nd edition. Hague: T. M. C. Asser Press; 2009. 660 p.
2. Sayapin S. The definition of the crime of aggression and national systems of criminal justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2012;1(2):87–97. Russian.
3. Sayapin S. *The crime of aggression in international criminal law: Historical development, comparative analysis and present state*. Hague: T. M. C. Asser Press; 2014. 334 p. DOI: 10.1007/978-90-6704-927-6.
4. Bassiouni MC, Ferencz BB. Chapter 3. The crime against peace and aggression. In: Bassiouni MC, editor. *International criminal law, volume 1: sources, subjects and contents*. 5th edition. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2008. p. 207–242. DOI: 10.1163/ej.9789004165328.i-1086.16.
5. Ilyashevich MV, Khakhina AA. On the international legal recognition of states. *RUDN Journal of Law*. 2014;1:236–244. Russian.
6. Morozova AS, Karasev AT. Certain approaches to understanding of state sovereignty. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2014;20:45–50. Russian.
7. Krasinski VV. State sovereignty: epistemological dimension of problem. *Sovremennoe pravo*. 2015;7:5–10. Russian.
8. Bredikhin AL. *Suverenitet kak politiko-pravovoi fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon]. Moscow: Infra-M; 2012. 128 p. Russian.
9. Osvetinskaya II. State sovereignty: content and transformation in the era of globalization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2017;2:150–167. Russian.
10. Farkhutdinov IZ. Preventive self-defense in international law: use and abuse. *Moscow Journal of International Law*. 2016;4:97–124. Russian. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-97-124.
11. Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press; 2008. 334 p. (Foundations of Public International Law). DOI: 10.1093/law/9780199239153.001.0001.
12. Krylov N. Humanitarian intervention: Pros and cons. *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal*. 1995;17(2):365–407.
13. Kibalnik AG. Crime of aggression: deceptive expectations of international criminal law. *Russian Journal of Criminology*. 2019;13(2):300–310. Russian. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.
14. Glotova SV. Crime of aggression: some legal problems of definition in the Nuremberg Charter and the Rome Statute of the International Criminal Court. *Moscow Journal of International Law*. 2017;2:87–96. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-87-96. Russian.
15. Kazarin OV, Tarasov AA. Modern concepts of cybersecurity of leading foreign countries. *History and archives*. 2013;14:58–74. Russian.
16. Inogamova-Khegai LV, Rarog AI, Chuchaev AI. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. 2nd edition. Moscow: Law firm «KONTRAKT»; 2008. 800 p. Co-published by the «INFRA-M». Russian.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021.
Received by the editorial board 18.11.2021.